

СТАНИСЛАВ БЕЛЬСКИЙ

**ОШИБОЧНЫЕ
ТЕОРЕМЫ**

Днепр
ГЕРДА | 2020

Об авторе:

Родился в 1976 году в Днепропетровске. Работает программистом. Стихи появлялись в журналах "Воздух", "Арион", "Волга", "Новый Мир", "Новый Журнал", "Ното Legens", "Контекст", "Новая Юность", "Нева", "Дружба Народов", "Футурум-Арт", "Дети Ра", "Зинзивер", "Союз писателей", "Крещатик", "Сибирские огни", в переводах на польский – в журналах "Wizje" и "Helikopter", в антологиях "Лучшие стихи 2011 года" (М, 2013), "Антология одного стихотворения" (СПб, 2011), "Русская поэтическая речь: опыт прочтения" (2016), "Современный русский свободный стих" (2019), в интернет-журналах "Двоеточие", "Литература", "Цирк Олимп+TV", "Артикуляция", "Другое полушарие", "Новая Реальность" и др. Сборники стихов "Рассеянный свет" (Дн-ск, 2008), "Птицы существуют" (М, "АРГО-РИСК", 2014), "Станция метро Заводская" (Дн-ск, 2015), "Путешествие начинается" (Дн-ск, 2016), "Синематограф" (Днепр, 2017), "И другие приключения" (Днепр, 2018), "Музей имен" (Днепр, 2019).
Переводчик современной украинской поэзии. Опубликовал книги переводов Остапа Сливинского "Орфей" (2017), Василя Махно "Частный комментарий к истории" (2018), Олега Коцарева "Синкопа" (2019) и Сергея Жадана "Табачные фабрики" (2020).
Составитель и соавтор сборника приднепровской поэзии "Гімн очеретяних хлопчиків" (Дн-ск, 2011). Составитель книжной поэтической серии "Тонкие линии". Лонг-лист "Русской премии" (2017).
Проживает в Киеве и Днепре.

* * *

Чтобы сократить путь к театру
я свернул в сквер позади больницы
перебрался по шаткому мостику
через ручей
и вошел с черного хода
я нашел директора за кулисами
он сидел рядом с тряпичным клоуном
и плакал
я принес вам свою пьесу
бросьте ответил он
театр закрывается
идет последнее представление
и вы единственный зритель
не пытайтесь уйти
главный вход заколочен
а там где вы прошли
дежурят санитары с собаками
я знаю другой выход
сказал я и проснулся.

* * *

Утонувшие
в подземных озерах,
в подоплеках,
в неопределенных праздниках,
голые,
как растревоженные улы,

мы видим солнце
по дороге к трамваю
с восьми до полдевятого утра

и находим следы крупных зверей
в наших комнатах
по вечерам.

Билетеры,
химики, эльфы –
мы ищем защиты
от электричества
в утешительных соитиях,
в тенистых садах
пищеварения.

Мы похожи
на уравнения без неизвестных,
на звезды без глаз,
на скомканную одежду
строителей неба.

* * *

Ты была
звонящим камнем,
потрепанной снежинкой,
подводной лодкой, уходящей
вниз, к самым корням весны.

Я был
добродушной гиеной,
зеркалом, отражавшим
твой тощий зад,
подвижные косички,
первые пломбы
и незлопамятные губы.

Ты была тополем,
проросшим в стене колокольни,

нагим амулетом,
карандашной линией
на моей щеке.
[Зачем нам было бояться
звезды, или облака, или хлеба?]

А я был
напряженным осязанием,
первым встречным,
близорукой гвоздикой,
маятником, считавшим
секунды твоего смеха.

И некуда было деться
от ламп,
кирпичных людей
и мочегонных заборов.

* * *

В этом доме
так много помещений,
и чего тут только нет:
я видел
оседланных лошадей,
запыленные старые автомобили,
целую галерею
фотопортретов Веры Холодной
и пьяных в дым,
но все еще довольно адекватных
царскосельских балбесов.
Я даже пытался побеседовать с Гете,
но он выставил меня за дверь,
едва услышал ломаный немецкий.
И только в одну комнату
я не могу найти путь:
в ней сидишь ты,

глядишь на расклешенную
осеннюю дорогу
и укачиваешь чужого ребенка.

* * *

Сегодня я не усну,
это вопрос только правды,
а правда любит
скатываться в душу
по наклонной плоскости.

Может быть, ночь – это смоква,
которая падает
с подопытного дерева
в руку беременной женщины,

может быть, ночь –
холодное стеклышко
с изумрудным разводом,
сквозь которое я вижу
коленку плясуньи.

Все равно –
скажу я как можно прохладней,
не обращая внимания
на обнаженную художницу, –
все равно я забуду одну строфу,
пока думаю о тебе, ночь,
пока сжимаю твое
плотоядное тельце.

* * *

Тонкими линиями,
нечеткими штрихами

рисует время
у нас на лицах.

Душа – хрупкий стол,
заставленный снедью.

Каждая ночь, как волна,
оставляет следы в песке.

Надо выучить наизусть
алфавит шершавых ладоней,
известняковых туч
и солнца,
играющего ключами.

* * *

боязнь обзорной экскурсии
по рукам любимого человека
вдоль твердого "нет"
как вдоль берега морского

так практик богатый
шарит в листве запасным словом –
но кто он чтобы мешать
тектоническому излому?

* * *

говорить о спонтанном танце
о динамическом спокойствии
прелюдии как о шраме
на улыбчивом лице
подписываться на обновления
морщин и складок жира
печатать вслепую одной рукой

двумя руками затем тремя
сплетающимися страстно и неосмотрительно
как на неоновой афише фильма кокто
а может быть
на рисунке шиле

* * *

заговорит ли с тобой имярек
в одну из нарисованных минут?
сорвет ли с тебя черные очки
несмотря на стандартные обстоятельства?
познает ли никому не нужный год
словно рыхлое поле?

секс не по любви но впрочем
имеет ли эта фраза смысл
в наперед заданном времени
простроченном крестиками-ноликами
комбрейских могил?

* * *

дыши
потому что дорога ведет к дыханию
бледному контролю
ударений отвесных
случайности исчерченной
кромкой слова

ровна ли дорога – известно
намокшим камням
и в меньшей степени – влюбчивым
метрономам

* * *

она чем зыбче тем красивей
даже когда раздвигает ноги
приглушенная ускользающая
чужая жизнь

тело покорно
тело каждой порой
славит слабость и униженность
женщина спит
женщина вращает в быт
корневой системой
разговора

женщина протаптыкает стежку
и выходит из леса
к насекомому свету лампы
семя все еще
вытекает
и тонкими струйками
спускается до сандалий

истина кривоугольна
как странный столовый прибор:
вы отражаетесь
перевернутые слепые
измазанные вишневым вареньем

* * *

темная проза
ты пропитана запахом жести
высыхаешь в шумном колодце
копишься дегтем
в медовой речи

глазастая и общительная
быстрее всего ты растешь
в топком безмолвии
в стеклянной слепоте
когда тают комья снега
и твои корни
опутывают комнату
когда ночь
вливается в одно ухо
и выплескивается из другого
фонтанчиком

на рассвете ты гаснешь
теряешь очертания
затапливаешь подземные переходы
вода несет полумесяцы
и близкая смерть
как лошадь прядет ушами
первый встречный
кисейный конторщик
кладет тебя в карман
вместе с болотной жижей
и мельхиоровым голодом

* * *

Буквы появляются еще затемно
тяжелые и острые
как взгляды пьяных школьниц
но гуашевое утро
уже размахивает нотной папкой
и молочные звезды всхлипывают
прежде чем отправиться в стойло

Мужественные
гражданские колбаски
выворачивают сон наизнанку

Лед заходит в комнату
без приглашения
как родственник
знающий все подземелья и стройки

И приплывает небывалое
и разрушается неразрушимое
и старая вода
читает нараспев твою книгу

Целомудрие

теперь тебе впору
выпускать консервы
с фаршированной добродетелью,
а раньше твое целомудрие
не смело войти в комнату
и топталось в коридоре,
когда ты рывком, через голову
освобождалась от платья

Блюз

Снег с дождем.
Ничего не изменится,
даже если я
закрою глаза
и представлю
самую первую девочку.
Достань водку
из холодильника,
моя мятая небожительница.
Пусть кашель
лопнет
и просыплется на город
хрустальными строчками,

пусть музыка
повиснет в комнате,
как чугунная батарея
(на такой сейчас сушатся
твои пестрые чулки).
Будем бить
друг друга подушками,
ругаться по-немецки,
а потом сольемся в одно
пытящее немолодое тело,
источающее кислый запах
в ритме блюз.

* * *

Памятник Гоголю
стал узловым пунктом
переносицей жизни
После размена квартиры
все происходит мимо него
при его молчаливом участии
Сегодня мимо Гоголя
я мечтал об одной знакомой
думаю она бы отдалась мне
если бы я решился
изменить течение рек
но порошу на такое
как всегда
не хватает

Маршрутка

"девичья память
пипец
тонкая тонкая"

"у меня
во дворе батут
и четыре спортсмена
прыгают непрерывно"

"четыре ряда сидений
как это по-жлобски"

"наверняка мазохисты
любят ходить к зубным"

"я всегда сплю в маршрутке
и просыпаюсь вовремя
с точностью до столба"

||

*

Телевизор – подельник демонов:
превратил в Будду
мою толстую маму.

*

У каждой вещи есть история,
а у меня – только будущее,
чистенькое, как больничная палата.

*

Лучшие стихи тают в воздухе,
не оставляя следов на бумаге.

*

Кто-то рисует горный пейзаж,
кто-то – кардиограмму,
а я – исключительно чертиков
на салфетках в кафе.

*

Наши тела образовали иероглиф,
непрерывно меняющий значение:
речная слепота,
колокольная ночь,
взятое на поруки забвение.

*

Сердце опять ноет.
Хлопотливому зверьку
достался несносный хозяин.

*

Поздно обустроить дом
в духе капитана Шотовера.
Фэн-шуй свистит по квартире.
Ты уже простудилась.

*

Поутру меня разбудили
звуки молотка.
Кто-то хорошо выспался.

*

Представить тебя голой –
все равно, что распороть ножом темноту
и вызвать потерянную флейту.

*

вот оно счастье
ощетинилось как еж
и не дается в руки

*

Пожилые актрисы
напоминают автоматы с газировкой.
Иногда даже не нужно
бросать монетку.

*

у настоящего поэта
совесть и та говорит стихами
тут она не права

*

маленькому кораблю маленькое плавание
с задернутыми шторами
с круглыми от удивления иллюминаторами

*

длинные комнаты
холодные как мертвые близняшки
не хватает кинокамеры

*

Безобразная девушка
трепещет в небе
как виолончельный смычок
Смерть не вписывается
в классификации.

* * *

1.

Вечность – это крупнолистовой высушенный джаз.
Ты завариваешь ее в маленьком чайнике,
Возвращаешься в постель и пьешь с гостьей,
Закусывая солеными груздями.
У тебя осталось совсем немного.

2.

Время – лучший тестировщик.
Так, открыв банку с груздями,
находишь мокрого,
неоперившегося программиста
с тросточкой и в котелке.

Ничего нет случайного в бизнес-процессе,
кроме методов нашей любви
и старых, прошитых солнцем поездов,
где поют чернокожие невольники.

Рецепт

Чтобы выпечь стихотворение,
возьмите
безмятежно-пароходный
днепровский сон,
добавьте
расколотый колокол
Пабло Неруды
и воздух лесной,
неохватный,
как сорочинская купчиха.

* * *

Опытному музыканту
Надо любить семь женщин:
До – дородную домохозяйку,
Ре – скуластую революционерку,
Ми – веснушчатую бизнес-леди,
Фа – певчую из церковного хора,
Соль – грудастую программистку,
Ля – детского врача,
Си – студентку третьего курса.
Варьируя продолжительность
И интенсивность свиданий,
Можно сыграть настоящий джаз.

В качестве диэзов и бемолей
Используйте обстоятельства встреч:
Небольшие уютные кладбища,
Крыши высотных домов,
Районные библиотеки
Или просто свою постель.

* * *

синие стены
всегда эти синие стены свободы

я люблю не по фен-шую
бью стекла не по-православному
и уже целый месяц будда
не толкал меня острыми локтями

приятно быть сиротой
наследником скифской глупости
но как собрать эти осколки
в хрустальную башню
где каждая лампочка
поет о зимокровном летчике?

* * *

Не чувствую себя одиноким —
напротив того, я зажат
толпою единомышленников:

я вчерашний, позавчерашний и завтрашний
дышат рядом так жарко,
что хочется выйти из себя,
как из прокуренного вагона,
и отдохнуть где-нибудь на травке.

* * *

Найди меня
в маленькой комнате:
я сижу среди проводов
на уютном облаке,
трипостасный,
несмолкаемый,
наглый.

Найди меня
и надери мне уши,
Господи.

* * *

Сегодня спросонья
новое стихотворение
явилось ко мне
в виде рюкзака,
в который надо было затолкать
подходящие предметы:
сжавшихся в клубки ежей,
резные можжевеловые ложки,

несколько пачек презервативов,
растрепанную книгу братьев Гонкур.

(Я сбросил
стихотворение-рюкзак
с Канавинского моста
на проплывавший пароход).

* * *

Почему-то
каждая ловкая поэтесса
неогрубевшего возраста
вызывает особые желания:
хочется ходить с ней по улицам
и собирать пивные бутылки,
курить
дрянные болгарские сигареты,
плевать с высоких домов
на нежные лысины
собратьев по цеху.

Хочется не просто
прожить с ней несколько месяцев,
но непременно зачать ребенка.

* * *

Осень выдает зарплату
институтскими ботинками,
фарфоровыми воробьями,
скрипичными ключами
и голыми девушками.
Осенью я почти невидим,
еще немного – и я расхожусь,
расплачусь и увалю в кусты
очередное трепетное создание.

Осенью телемастера
пытаются чинить мою сущность.
Я едва отбиваюсь
от неизбежных отверток.

Осенью зеркала
перестают отражать.
Хожу дикий, лохматый,
и ощущаю неловкость
при попытках знакомиться с женщинами.

Одна из моих любовниц,
очень практичная тетка,
ночью влезла на крышу,
спилила четыре звезды,
развесила их по стенам
и отказалась от лампочек.
При свете домашних звезд
кажется, будто любишь
семнадцатилетнюю девочку.

* * *

Небрежность победила.
Отправляясь в полдень
с нарисованной станции,
уже не думаешь о том,
когда вернешься в небо.
Поэзия – это железнодорожный гул,
пляска семантических поршней,
сгущенная бессмыслица
случайных разговоров –
исподволь разрастающийся
заговор против вечности.

* * *

"Не высовывайся!" –
так сказал Заратустра.
Это повторили мне
горбатый ангел,
акробат с раскроенным черепом
и голубоглазый миротворец
с автоматом наперевес.

Не высовывайся!

* * *

Мой друг
с петушиной головой
умеет высекать огонь
даже из кукурузных палочек.

Иногда его душа
со скрипом
открывается,
и наружу выглядывает
нечто бессмысленное –
вроде груды использованных
носовых платков.

Чем более протяженными
становятся его прогулки
вглубь собственного
простуженного горла,
тем дольше
почтовые голуби
ищут
потерявшихся в песках
слушательниц.

* * *

Я перемещаюсь,
как Харон,
из палаты в коридор
и обратно.
В коридоре полумрак,
прохладный японский сад,
где роли камней
играют медсестры,
замершие в странных позах.
А в палате
прицельное солнце,
попка-врач
и разверстое радио,
похожее на пасть
мистического льва
или на яму
со зловонными останками.

* * *

Смешной человек
живет только по субботам
и носит на себе,
как улитка,
свой дом, полный рыб.

Обычно болезненно робкий,
однажды он подарил
зеленоглазой
и соленой на вкус девушке
огромного муравья с бивнями,
и она от удивления
стала его любовницей.

Время торопилось и поскользывалось.
После нескольких
стохастических ссор и примирений
они все-таки поженились
и стали жить вместе
под надзором
глубоководных чудищ.

Поскольку дети
смешного человека
жили только по четвергам,
он не возился с отпрысками
и посвятил субботы
любви и ихтиологии.

Всю жизнь он ревновал
к недоступным дням недели,
ибо зеленоглазая
и впоследствии красноволосая
женщина
постепенно привыкла,
как море,
нежить всякого пловца.

* * *

почти час
я как поплавок
то ныряю в море
то возвращаюсь
к прогорклой логике
все вещи
лишь тени сновидения
ответы реальности
на ряд неудобных вопросов

только что
мне снились
футбольные мячи
распиленные компьютеры
а проснулся я от эрекции
не объясняйте мне
что это значит
не будьте свиньями

* * *

уже два года
я пишу только верлибром
классический стих
напоминает мне город
иногда нарочито красивый
тщательно выскобленный
сияющий
с прохожими
надевшими нимбы вместо кепок
а иногда
какую-то чертовщину
вроде Днепропетровска
с буграми и заводами
с центральной частью
оглушенной
архитектурными выкидышами
в любом случае это город
а не море

* * *

Может быть так и пишется
авангардная поэзия?
Эта нотная блажь
верховенствующая запятая

церковь с секущимися
кончиками крестов
глисты поющие в глотке
у павлоградского панка?
смазанные лица
души похожие на разделочные доски
девочки с разбитыми коленками
и неумытыми пиздами
горбатое солнце
куриная поступь шоумена
зеркальное чрево
в котором глохнут шаги
лошадиная грива
невыносимая
шепчущая о смерти

* * *

Смерть автора подступает исподволь
в сознании появляются дивные пустоты
которые не удастся
заткнуть ни писчей бумагой
ни зубной болью
Безногие аисты спускаются с неба
и вьют гнезда
на руинах силлаботоники
Крановщики
авторитетно рассуждают
о премии Аполлона Григорьева
Пора сматывать удочки
сказал господин Барт
директор птичьего рынка

* * *

Пожалуй,
Пабло Неруда
скатывается горошиной по лестнице
сегодня, в воскресенье,
в два часа дня.
А что дальше?
Может быть, случайно
он сшибает терновый венец
или
располагается в окне поезда
диагональным маревом.
Тридцать пять градусов в тени.
Напиши каждую букву отдельно,
закрой глаза
и набери вслепую
свой номер телефона.

* * *

Иногда я танцую в темной кухне
с мягким карандашом
и листиком бумаги в руках.
Даже если
стихотворение не приходит,
этот танец вызывает
особое ощущение
плотности и непостижимости времени,
которое особенно усиливают
двое мистических животных,
стоящих на подоконнике:
безумный заяц,
которого я именую Пьером,
и похожая на него,
как две капли воды,
птица-ларец.

(Танец может продолжаться
бесконечно долго,
пока кто-нибудь не включит душ
или не лязгнет дверь лифта).

* * *

Каждую ночь
сумасшедшая девушка
пишет стихи,
делает из листков
бумажные кораблики
и пускает вниз по Днепру.
Каждое утро
я нахожу
уткнувшийся в берег
размокший кораблик,
разворачиваю его
и не могу разобрать ни строчки.

* * *

Бывало,
я пожимал руки
заезжим гениям,
чьи слова живут
шелестящей камышовой жизнью
и выходят на охоту ночью,
как тяжелые латинские коты.

(Я собираю бабочек,
умерших от разрыва сердца,
высушиваю их крылья
и курю по утрам,
набивая
подаренную голландскую трубку).

Бывало, я исподтишка
засовывал
некоторым из гостей
стогривневые купюры
вместо гвоздик
в петлички фраков,
и они ходили по набережной
с сорванной кожей,
как негоцианты на отдыхе.

(По счастью,
к моим книгам
не будут писать предисловий
сколько-либо разумные люди).

* * *

в сувенирной лавке
две симпатичных
на вид аксиомы
пытаются купить микрокосм
и арбузные семечки
(чесет в затылке заведующий
ну вы меня и достали)

в то время как первая аксиома
говорит о неравной любви
благовидном отказе
и стохастическом воздержании
вторая проводит
структурный анализ
бейсбольных бит и мячей
и приходит к выводу
о близком конце
электрического света
(о боже шепчет заведующий
свалились два синих чулка
на мою плешивую голову)

аксиомы стучат каблучками
снимают с себя
шляпы перчатки серьги
и становятся теоремами
ожидающими
неотложных доказательств

а заведующий надевает
очки в роговой оправе
хроматический взгляд
византийский голос
и становится
режиссером-концептуалистом

после этого в сувенирной лавке
и в самом деле
заканчивается электричество
и начинается официальный
супрематический турнир
под судейством
беспристрастного
казимира ангелопулоса

* * *

бульдозеристы играют
красивых близоруких пьяниц
в пьесе поставленной
ангелом-методистом
34 года назад
в театре одного зрителя
на крыше одного дома
в центре одного города

учти говорит первый актер
узлы утеранных туч
и ломкое солнце

а также
не поддающийся копированию
иероглиф женской дружбы

не забудь говорит второй
о книге великого гнева
и темной бодрости
описывающей високосные годы
в застрявших лифтах
и на промежуточных станциях

ибо открыты врата незнания
и приходит к нам на чужих ногах
водянистый безжалостный праздник

* * *

Посвящается Александру Моцару

гражданин "и"
(перевернутый гражданин)
дважды входит
в заколоченный дом
становится в очередь
и выбирает собачий лай +
сквозняк + солнцестояние
+ колонку с горячей водой

в холле макет
ветряной мельницы
с приэнттаченной
win-win стратегией
а в дубовом шкафу
за горой из прелой листвы
выдают камуфляж
дракон и невеста
транспортной развязки

любая их фраза разумна
например: секс
является своей противоположностью
или: летняя шляпа
нужней на цюрихском вокзале

но думается: где левая
шишка и где зерно удара?
и отчего у мудрого старца в комплекте
сиреневые запчасти?

потом какое-то время
ничего не происходит

потом оно не происходит снова

* * *

бакалавр позвоночника
и детского сна приходит
на вечеринку в замшевом твите
: сегодня она похожа
на закладку в учебнике
по вычислительной геометрии
или на шлифовальную машину
с молодежным дизайном

знатоки быстрых фраз
собираются в стаи
перед прозрачной охотой:
"XVIII век, сцена любви
между самураем и пленной
газовой колонкой?"
"прелюдия си-минор с игрой
в пятнашки и грубым паттерном
консерваторского гардероба?"

запасной тредиаковский
сообщает: ставка ушла
в известном ему направлении
ивовые прутья расплавились
как рождественские гвозди

наутро все кошки светлы
словно вязальщицы
в солнцезащитных очках
или разумные слюнки
с планеты плешивцев

* * *

статическая переменная
свивает гнездо в электро-
щитовой будке
говорит: а теперь я разбогатею
буду звонить усопшим механикам
и называть результаты футбольных матчей
получу нобелевский приз в номинации
"неоказание помощи
принцу максимилиану"

* * *

младший адвокат меркуцио
дружит с сезонной летчицей татьяной
шепчет ей: давай ненавидеть апофатически
выкрашенные известью статуи
и подписи епископов
иконоборческого собора
она невпопад отвечает: в небе
сентиментальные бомбы
и фламандские устрицы
но также смешливая слава
склеенная из двух компонентов

(в некоторой растерянности
они занимаются оральной любовью)

* * *

альбинос северин
живет в мелком грехе
словно в аптечной коробке;
нижний лондонский суд
(смелый как растаявшая косточка)
приговаривает его
к уменьшенному дыханию

приходится северину
быть одновременно бумажной призмой
и австрийским священником
дорожить своей толщиной
брезжить в настороженном слухе
и кровеносном конюхе

* * *

пионер
промышленного сленга
открывает новую голубятню
(звук –
словно нарисованная фломастером фляга)
после короткой рекламы он
обвиняется в изобретении пергамента
и любви к усопшим троеточиям
похожей на вишневое мороженое

* * *

пустой саквояж
и сознательное стеклышко
женятся на уравнении
с тремя неизвестными:
первое похоже на китайскую гранату
второе на букву "е"
в слове "самоучитель"
третье спускается в мини-юбке по лестнице
на складе металлоискателей
в городе рахманинов

* * *

гефест любит грубых старух
извергая
облака комической пыли
и запечатанный парфянами
облепиховый сленг

перепелка
в жадном до уст пробеле
рисует месяц брюмер
на митилене печально известный
как наскальный скворечник

вошь цвета влюбленной пшеницы
вооружает лобастых подростков
точнее их подписные переиздания
своим героическим примером

человек приходит человек уходит
чтобы чмокнуть солнце в пустой живот

* * *

выходит на честную улицу
человек неумытый как
подошва горы монсеррат
и сообщает: погода
способствует забвению прозвищ
и дама с кувшином
целует хуй
как уравнение с одним неизвестным

увидишь: масса / квадратная скорость
идет сквозь тебя
словно капель в брючном костюме
возьми ее за живое
возьми ее за живое

* * *

рассказчик облизал
(чужие?собственные) губы
словно исчезнувшую квитанцию:
"...ибо я бестиарий доступный по слогу ноль
но порою еще
полные блядских рельефов
глаза керамической вишни
целый год я работаю на пилигримов
приношу им патроны и глубочайшие
извинения, чищу авгиевы орехи
датирую туземные седла
а тут еще, позвольте увидеть, врачи-пересмешники
разминают голоса словно бумажные оладьи"

* * *

роберт йохан
начал профессиональную деятельность
в качестве короля людовика шестнадцатого
но затем переквалифицировался в надзирателя
из-за недостатка спроса

каждое утро он бежит на работу
по серебристым и росным поверхностям
исполняя минорную гамму
в соответствии со вчерашней
самой модной директивой дыхания

* * *

овидий жалуется
остекленевшей скрипке:

тринадцатую общину
не смей приласкать отсрочив
уничтожающее прочтение

или
бросок буквой хер
(как бумерангом)
над пыльной проселочной ленью

где дьявол живет
на границе двух сред
одна из которых забыта

(заколочена? смертна?)
утренним любованьем

* * *

человек / человек
и его допотопный велик
(бывший раньше латунной
плачущей лошадью)
исчезают как перегородка
между горячей и холодной кондитершей

говорит она вечно ты возишься с
виноградом
а не с размокшими нотами
выворачиваешь прически словно перчатки
а я хочу писем о птичьих правах
будто я ты и снова я – голос
шатких селезней в бухте зигзага

нету жалости даже
у препарированных роялей
не говоря о влюбленных
в острые бороды полицейских
впрочем не нужны чужие подробности
но развернувшись на 361 градус
можно заметить падающий курятник
похожий на ракушку облепленную
мелкими кораблями

* * *

как остановить скольжение
остепенившихся лун
внутри безбилетных стекол?
как разъяснить кинематику
мраморных языков?

еще немного – и рефери
зазвонит в дверной колокольчик

призывая босых торговцев
к здравому смыслу

* * *

приходит спорить с тобой об адамовых
яблонях и башнях из птичьего сленга
покрывать запятые и точки защитной пленкой

говорить: иногда голубые монеты
были так же близки вертикальным рыбам
как и почтовым урнам

заниматься любовью как самая
грустная ведьма из опыленного
подсолнуховой золою мультфильма

вспоминать о прежних любовниках
словно о съеденных
бессонницами деревьях

* * *

кому-то в июле снег
а кому-то девушка
с огнеупорной кожицей
но есть и хорошая новость:
этот лжекто-то
потерял ежовую рукавицу

может и ты меня заметишь
в гавани искушенного звука
утопишь как ухо девятое
свадебную эскадру
перебросишь из одного кармана в другой
минуя гостей
мшистые апартаменты

навалишься наконец всем телом
скажешь лучше молчи
пока вечер уносит доказательства
и у тебя любви еще
на восемь с половиной копеек

* * *

тело твое было как двор
в котором посетители
ощупывали мокрые камни
на месте исчезнувшей двери

так далеко было до полной победы
зрению данному только взаимы
так долго виноградный полифем
обжигал себе кожу
в ливнях воскресной радиомызыки

я продолжал сомневаться пока ты раздевалась
снимала с плечей рыжую голову
играла со светом разболтанным
словно с моим ослабевшим членом
рисовала дуги на животе
поправляла штурвал то и дело
выпадавший из зеркала
и почти добивалась оргазма

говорила в меня снегом подкожным
разрушенным прежде слов
прежде ангела стоявшего на часах
и разделявшего ебущихся-нас
на безымянные фрагменты
знамен и певчих молекул

* * *

все отражения были слишком юны
словно урожай миниатюрных ножниц
на почтовых марках
и не было нужды спорить даже во сне
с падающими башнями из туалетной бумаги
отличать тело горячее от холодного
стенографировать по влажной коже
созвучие за созвучием
у подвижной государственной границы
между слюной и хлынувшей спермой

являлось к нам и кое-что запыленное
(тычинки жестики все как у наукообразных)
не выходя из асимметрии
совершало неприметные шалости
а в день когда слюдяные змеи
наследовали землю
зачитывало вслух с телефонной вышки
раздобревшие прошлогодние письма

* * *

с такой девчонкой далеко не уедешь
пересчитывать истуканов у румынской границы
целоваться под обложкой
бледной-приблудной книги
искушенные тела обмерять
когда они стакнутся с каменным гостем
оставаясь идеально прозрачными
при равномерном вращении

* * *

Посвящается Лене Левской

с некоторых пор дублин обитает
к югу от португалии
там где провалился сквозь небо
аэропорт фару

теперь любая прихоть целует
ремень у ласточки горячей
пьет с утонувшими брокерами
кофе на башне мартелло

* * *

свежий подход к решению задачи
несколько стабильней предыдущих
раньше не было начальников тонущих в соплях
но не было и всплывающих

однако наслаждение остается статическим
и ревнивец водит лошадок по кругу
среди дуновений столь безупречно девичьих
и проверенных пшеничных часов

* * *

летом клетчатые женщины
раскалывались на мизерные
роликовые колеса
расточая вместе равносроронними платьями
липкую сажу
чтобы единороги из-за заборов могли
увидеть лишь отскакивающие пуговицы

невеста искусственной молнии
скопировала четырех неизвестных
опустошив их до "ты"
(есть гипотеза что все это
зablуждения либерального секса
на сытых водных поверхностях)

* * *

у самой долгой женщины есть подруга
(словно косточка в горле наземной разведки)
вычитающая багровую шляпу
из корреляции багровости

когда начинают пылать кружевами
стриптизеры и песенники
наебавшие
принцип достаточного основания

а в украденную любовью минуту
она замечает как узок предел
отбрасывающий нас в столовую
к маслянистым карманам леса

и просто лакомится оранжевым снегом
солнечного припадка
пока расселяется кожа сухая
в крестиках ноликах и неудобных
транспортных завязках

IV

* * *

Осень завладела наследством,
вязким,
как голова Сальватора Дали.
Сопротивление бесполезно,
крылья ангелов буксуют,
и простейший вопрос

теряется по дороге
от моих губ до уха любимой.

* * *

У тебя одно колено сладкое,
а другое горькое,
словно источники,
несущие воды жизни и смерти.

К тому же ты залетела.

* * *

Сегодня я могу написать
очень странное стихотворение,
похожее на угольный пласт
с отпечатками древних насекомых.
Боюсь только – некому будет
перевести его на русский язык.

* * *

Известия о смерти воздуха
оказались преждевременными.
Утром он снова пришел –
пасмурный зверь
со свалывшейся шерстью –
и облизал меня длинным
лоснящимся языком.

* * *

в нашей речи живут
как в многоквартирном доме
мистические слова
например
"но" горит как китайский фонарик
"или" включило газ
и вышло на улицу
а "если" отмеряя сдачу
щелкает деревянными счетами

* * *

Интересно читать
черновые наброски
большого поэта:
тот же автор,
но
после курса антибиотиков,
истребивших
бациллы гениальности

* * *

я бы остался в глубине,
полной бесполезных ископаемых,
но течение выносит наверх,
и я покачиваюсь, как субмарина,
на гладкой границе дня и ночи.

* * *

Неужели ничто?
Только рваные полотнища неба,
только глаза,
маленькие, бесцветные,
превращающиеся в ниточку
там, где ветер треплет ляжку
каменного младенца.

* * *

ебаться
крепкое слово
бьет в голову
как отличный коньяк
не понимаю
почему его доверили
школьникам и пролетариям

* * *

Мы читали стихи
в большом физкультурном зале,
почему-то совпавшим
с моей собственной спальней.

С книжных полок
свешивались коты
и внимательно слушали.
Я воспользовался случаем
и всех их переглядел.

* * *

много месяцев подряд
заходя в книжный магазин
открываю наугад книгу сапгира
убеждаюсь
и кладу ее на полку
всегда один и тот же стих

* * *

ночь напролет в дреме
пестуешь стихотворение
тягучее как волынка
к утру помнишь только начало
"ты живешь между правдой и ложью
затяни их запутай
свяжи как шнурки на ботинках"

* * *

некоторые стихи
умирают в момент создания
нет ничего целомудренней
никто не сделает для них
погребальную маску
ничей взгляд не вонзится в их плоть
как раскаленный полумесяц

* * *

уходи
от золотой жилы
от бесследного солнца
падай
в прозрачные сети
говори медленно
как дерево
весной

* * *

твоя нога
напоминает озеро в намибии
в которое прячутся
разомлевшие от жары
бегемоты
какая связь?
никакой
кроме разумеется
сексуальной

* * *

поэты как поэты
только внутри черепов
какие-то колокольчики
ходят принохиваются
трогают длинными пальцами
ваньку
не надо
ваньке уже все равно

V

* * *

Мне так нравятся
твоя потная ладонь,
тонкие ноги,
волосы, как спутанное солнце,
милые веснушки –
все это похоже на вечерний Крещатик
и на концерт Элтона Джона,
куда нас не пустила милиция.
По дороге нам встретились
воинственные бабушки с хоругвями,
протестующие против содомии.
В этот раз они промазали –
как раз перед выходом на улицу
мы предавались другому греху.

Какое счастье,
что ты тоже не любишь
рыбьих предосторожностей
и отдаешься, как велит природа.

Итак, десять лет спустя,
воспользовавшись
синхронным отъездом супругов,
мы можем снова сесть за парту
и повторить основные предметы:
геометрию сброшенного платья,
алгебру твоих сосков,
естествознание пылающих губ
и несравненную,
глубокую, как море,
химию взглядов.

А ведь раньше было только мороженое
и дурацкие первые поцелуи.

* * *

Когда ночь
золотым копытом
выстучит
на пишущей машинке
все свои имена,

когда
лунный дирижабль
совершит
вынужденную посадку
на твоём балконе,

когда
ледяная сабля
разрежет солнце
и половинки
брызнут гранатовым соком,

когда ветер-рубанок
разгладит морщины заборов,
разгородивших
бездорожные судьбы –

именно тогда
(и не раньше)
во внутренней березовой роще
нашего института,
искусанные муравьями,
соединим несчастья,
губы, мысли, чресла,

и недостаточно полные
высшие образования.

* * *

Сейчас наши друзья
начнут разбегаться,
как упыри,
спешащие на тайный праздник.
Мы останемся одни
в целомудренной комнате,
под неоновыми лучами.
Сердце будет скользить
на полозьях страха,
старые руки вытнутся из углов,
чтобы преградить дорогу
нашей нежности
в эту пятницу,
в этот неисчерпаемый вечер
совпадений и предосторожностей.

Ощущения

Театральный полдень.
Фонетическая нагота.
Ощущения такие,
будто вытаскиваю член
из незнакомой женщины,
похожей на китаянку,
неловко завязываю презерватив,
выплеснув часть семени на одеяло,
вытираю платком плешь
и одеваюсь, не переставая смотреть
на молодое животное,
утомленное моими ласками,
а в кармане пальто
еще лежит билет трамвая,
в котором нас сжала толпа,
и тогда я стал желать ее так,
что она не могла не заметить,

но она только улыбалась
и следила непроглядными глазами
за плывущими заводскими заборами,
и я спросил ее имя,
а она просто взяла меня за руку
и привела сюда,
в эту комнату, полную книг,
на эту кровать,
прогнувшуюся от сотен мужчин,
под глазницы видеокамер,
фиксирующих нашу любовь,
чтобы показывать ее
в прямом эфире по интернету.

Вот какие ощущения
возникли у меня при защите кандидатской.

Статистика

Наши половые акты
за текущий месяц
образовали
репрезентативную выборку.
Можно сделать
предварительные
статистические выводы.

С вероятностью,
близкой к единице,
ты кричишь от счастья,
если крепко сжимать соски
или покусывать уши.

В одном случае из десяти
мы не успеваем
скинуть одежду —

в ней сами собой возникают
щели и пространства,
необходимые для любви.

С вероятностью девять десятых
твоя прическа,
поначалу идеально уложенная,
уже на четвертой минуте
напоминает диораму
"Битва за Днепр",
а твоя общежитская кровать
(если мы до нее добрались) –
стадион,
где одноименная команда
принимает донецкий "Шахтер".

Только один раз
твои глаза вспыхнули,
как газовые горелки,
когда я вошел в тебя,
и ты шептала слова,
недоступные смертному слуху.

А теперь я постараюсь доказать,
что частота одновременных оргазмов
соответствует нормальному распределению,
вычислить квантили
преждевременных эякуляций
и дисперсию
потерянной нежности.

* * *

Ты живешь
на улице Аполлинера
недалеко от редакции.
Раз в два месяца
я захожу к тебе –

сутулый друг
с кожаным портфелем.
Ты, не переставая
поливать цветы
или готовить ужин,
рассказываешь мне все новости
о своем двенадцатилетнем балбесе
или о бывшем муже,
с которым у тебя
"прекрасные отношения"
(впрочем, как и со всеми мужчинами).
Вдруг твой сын,
сидевший полчаса неподвижно,
уставившись на меня,
как сторожевая собака,
хватает футбольный мяч
и пулей вылетает из дома.
Я собираюсь с силами
еще четыре минуты
и набрасываюсь на тебя,
целую широкий рот,
сдергиваю одежду.
Ты смеешься и отбиваешься:
"Ну что ты, милый.
Как же тебя изняло!" –
но потом начинаешь проявлять
легкий интерес,
помогаешь мне раздеться,
показываешь,
как тебя надо ласкать
и даже покрываешься,
как в детстве,
мелкими жемчужинками пота –
но тут звонит телефон,
ты хватаешь за голову
малиновую гадюку
и начинаешь обсуждать с ней
кулинарные рецепты,

наводнение в Австралии
и чудовищные известия
о генетически модифицированном мясе.
Твои глаза становятся
синими и стерильными –
два сонных колодца,
две алюминиевые звезды.
Получив-таки свое,
я одеваюсь,
стараясь не глядеть
ни на тебя, ни в зеркало.
Испытывать к тебе страсть
так же нелепо,
как любить тавтологию
или просроченный
лотерейный билет.

Болотный ноктюрн

Бывает
проснусь ночью
и шепчу женское имя
Аня или Наташа
не имеющее отношения
к ценительнице скрытых талантов
груди которой вчера
аппетитно шлепались друг о друга
если я не придерживал их руками
а теперь это милое вымя
разметалось рядом
прихотливо
как на картинах Пикассо

Я приподымаюсь в постели
Тело любовницы
колышется в болотном свете
будто готовится всплыть

и виолончельная грусть
армянского разлива
брезжит в наушниках
как небо
испачканное помадой

Censored

Долго не вспоминал
Иру Конюхову,
территорию
моих юношеских позоров,
первую девушку,
которую я держал за руку
в реторте кинотеатра.

Эта априорно опытная
тринадцатилетняя женщина
приехала из Тобольска –
помню, она рассказывала,
как мерзли ее пальцы
во время школьного концерта,
а клавиши фоно от дыхания
покрывались ледяной коркой.

Впрочем, поначалу
мне больше нравилась
ее подруга,
наполовину сербка,
вместо имени которой,
как назло,
зияет чернильная клякса.
(Потом эта девочка
выучилась на журналистку
и уехала в Белград
сразу после войны).

Почти полгода
я то и дело
поворачивался за партой
градусов на сто
и пялился на мою любовь,
чем забавлял и ее,
и новенькую,
как украинская государственность,
грудастую соседку Ирину.
Кажется, однажды Заречная
(фамилию мне все-таки
удалось изъять у забвения)
пригласила меня
прогулять с ней уроки;
я растерялся
и бормотал чепуху
насчет предстоящей контрольной.

Друзья звали Ирину
Лошадью или Дырой.
Она и впрямь была
практичной черной дырой,
засосавшей два мои года,
непролазным островом,
на котором я не выцганил
ни одного поцелуя.

Забавно,
что я невыносимо
хотел ее трахнуть,
хотя в бассейне
коротконогая мучительница
вовсе не казалась красивой.

Теперь у Иры
чемоданообразный муж –
еще один одноклассник
по прозвищу Мясо.

При случайных встречах
богатые супруги
делают вид,
будто со мной незнакомы.
Пользуясь удобным случаем,
шлю их обоим <CENSORED>
с помощью электронной чумы
и волшебника.

Плацкарт

Знаете ли,
как приятно
писать стихи о том,
что происходит с тобою
прямо сейчас,
сию минуту?
Я сижу в поезде,
в считанных сантиметрах от меня
коленки
очень интересной девушки.
Она выходит
в шесть утра в Белгороде,
а мне потом семь часов
ехать до Днепропетровска.
(Как я еще могу
манипулировать цифрами?)

Она изменчива, как море.
Только что откровенно
строила мне глазки,
а теперь
заложила ногу за ногу,
воздвигла, как памятник,
суровущее лицо,
смотрит в окно
на подмосковные граффити
и запивает их чаем.

Пока она стелила постель,
я обратил внимание,
что фигура у ней идеальна.
Зато черты лица резковаты
и напоминают идола.
Впрочем, я любил уже когда-то
женщину
с подобным резким лицом,
будто высеченным
ветром и временем.
(Девочка берет
четвертый стакан чая.
Как она собирается спать?)

Я подозреваю,
что она умеет
читать мои мысли,
а может быть, может быть,
и нашептывать их.

Когда она вошла в вагон,
то проскочила мимо собственной полки
и удивилась тому,
как нелогично
расположены места.
Потом, бросив сумку
посреди прохода,
удалилась на перрон
целоваться
и допивать пиво.
Когда вагон тронулся,
она звонила знакомым
до полного оскудения карточки.
Я внимательно слушал
и узнал о ней все,
за исключением имени.
Перед тем, как пить чай,
она скинула туфли

и растоптала
пакетики с рафинадом,
превратив его в песок.

А потом я стал чудить.
Уронил ей подушку на голову,
когда снимал матрац,
наступил на шоколад,
влезая на верхнюю полку,
размахивал у ней перед носом
давно не мытой подмышкой,
снабженной к тому же
очаровательной дырой
в рубашке.
Теперь я пишу в блокнот,
поглядываю на нее
и желаю,
чтобы это продолжалось вечно.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Чтобы сократить путь к театру...	3
Утонувшие в подземных озерах...	3
Ты была звенящим камнем...	4
В этом доме...	5
Сегодня я не усну...	6
Тонкими линиями...	6
боязнь обзорной экскурсии...	7
говорить о спонтанном танце...	7
заговорит ли с тобой имярек...	8
дыши потому что дорога ведет к дыханию...	8
она чем зыбче тем красивей...	9
темная проза...	9
Буквы появляются еще затемно...	10
Целомудрие	11
Блюз	11
Памятник Гоголю...	12
Маршрутка	13

II

Телевизор – поделщик демонов...	14
У каждой вещи есть история...	14
Лучшие стихи тают в воздухе...	14
Кто-то рисует горный пейзаж...	14
Наши тела образовали иероглиф...	14
Сердце опять ноет...	15
Поздно обустраивать дом...	15
Поутру меня разбудили...	15
Представить тебя голой...	15
вот оно счастье...	15
Пожилые актрисы...	16
у настоящего поэта...	16
маленькому кораблю маленькое плавание...	16
длинные комнаты...	16
Безобразная девушка...	16

III

Вечность – это крупнолистовой высушенный джаз...	17
Рецепт	17
Опытному музыканту...	18
синие стены...	18

Не чувствую себя одиноким...	19
Найди меня в маленькой комнате...	19
Сегодня спросонья...	19
Почему-то каждая ловкая поэтесса...	20
Осень выдает зарплату...	20
Небрежность победила...	21
"Не высовывайся!.."	22
Мой друг с петушиной головой...	22
Я перемещаюсь...	23
Смешной человек...	23
почти час я как поплавок...	24
уже два года...	25
Может быть так и пишется...	25
Смерть автора подступает исподволь...	26
Пожалуй, Пабло Неруда...	27
Иногда я танцую в темной кухне...	27
Каждую ночь...	28
Бывало, я пожимал руки...	28
в сувенирной лавке...	29
бульдозеристы играют...	30
гражданин "и"...	31
бакалавр позвоночника...	32
статическая переменная...	33
младший адвокат меркуцио...	33
альбинос северин...	34
пионер промышленного сленга...	34
пустой саквояж...	35
гефест любит грубых старух...	35
выходит на честную улицу...	36
рассказчик облизал...	36
роберт йохан...	37
овидий жалуется...	37
человек / человек...	38
как остановить скольжение...	38
приходит спорить с тобой об адамовых...	39
кому-то в июле снег...	39
тело твое было как двор...	40
все отражения были слишком юны...	41
с такой девчонкой далеко не уедешь...	41
с некоторых пор дублин обитает...	42
свежий подход к решению задачи...	42
летом клетчатые женщины...	42
у самой долгой женщины есть подруга...	43

IV

Осень завладела наследством...	44
У тебя одно колено сладкое...	44
Сегодня я могу написать...	44
Известия о смерти воздуха...	45
в нашей речи живут...	45
Интересно читать...	45
я бы остался в глубине...	46
Неужели ничто?..	46
ебаться...	46
Мы читали стихи...	46
много месяцев подряд...	47
ночь напролет в дреме...	47
некоторые стихи...	47
уйди от золотой жилы...	48
твоя нога напоминает озеро в намибии...	48
поэты как поэты...	48

V

Мне так нравятся...	49
Когда ночь золотым копытом...	50
Сейчас наши друзья...	51
Ощущения	51
Статистика	52
Ты живешь на улице Аполлинера...	53
Болотный ноктюрн	55
Censored	56
Плацкарт	58

Бельский Станислав

Б44 Ошибочные теоремы. – Днепр : Герда, 2020. – 64 с.

ISBN 978-617-7639-28-1

Расширенное переиздание второй книги стихотворений днепропетровского автора, ранее опубликованной в совместном сборнике "Гімн очеретяних хлопчиків" (2011). В окончательный вариант книги вошли тексты, созданные между 2007 и 2020 гг.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

БЕЛЬСЬКИЙ Станіслав Олексійович

ПОМИЛКОВІ ТЕОРЕМИ

(російською мовою)

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура PartnerCondensed
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 4,0. Тираж 200 прим. Замовлення № 28/20

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру серія ДК №397
від 03.04.2001 р.

ISBN 978-617-7639-28-1

